

НЕ ПРИВИТАЯ К СОВЕТСКОМУ ДИЧКУ

Литературная премия Александра Солженицына 1999 года
присуждена поэту Инне Лиснянской

Павел Белицкий

ФАКТ присуждения премии Александра Солженицына Инне Лиснянской в первую — после радости — очередь вызывает чувство, что отданное должное (насколько какая-либо премия вообще может служить средством вознаграждения, в том числе и моральных, долгов) поэту, имя которого знали все, хоть сколько-нибудь сведущие в современной российской поэзии, и знали — вопреки, государственному фактически, запрету имени этому появляться в печати на долгие годы. Но премия — частная, не государственная, и потому второе возникающее чувство — что долг отдан не полностью или, во всяком случае, не тем, кто вроде бы должен...

Поэзия Лиснянской, продолжающая и развивающая традиционное стихосложение, доказывающая самим фактом своего существования его жизнеспособность и неисчерпанность («нет новизны, есть мера», — разъяренно утверждал полвека назад трагический циник, один из величайших лириков XX века Георгий Иванов), этой мерой обладает абсолютно — и естественно, на равных звучит продолжением таких «негромких голосом» поэтических «кредо», как, например: «Болящий дух врачует песнопенье, / Гармонии таинственная власть / Тяжелое искупит заблужденье / И укроит бунтующую

Поэт Инна Лиснянская.

щую страсть. / Душа певца, согласно излитая, / Разрешена от всех своих скорбей; / И чистоту поэзия святая / И мир отдаст причастице своей» Баратынского или: «Люблю из рода в род мне данный / Мой человеческий язык: / Его суровую свободу, / Его извили-

стый закон...» Владислава Ходасевича... Архитектоника стиха, строгая размерность, четкая строфичность, точная рифма, на протяжении всего XX века расшатывавшаяся, мешавшая особенно тем, кто в поэзии стремился прежде всего (если не только)

«самовыражаться», для Лиснянской — не анахронизм и тем более не путы, мешающие естественному ходу речи, но, наоборот, как раз, естественная, органическая форма существования поэзии, высшая форма синтаксиса языка. И Лиснянская странным — или счастливым — образом осталась (и слава Богу) «классической розой» — отдельной, не привитой «к советскому дичку»...

Сдержанный и тем более убедительный трагизм голоса Инны Лиснянской; внутреннее напряжение совести, гуляющее в интонации, при внешней неброскости стиха и скупости формальных средств, библейское (не клерикально-декоративное, чего всегда — с избытком, а с некоторых пор особенно, но родовое, венозное, в шуме крови) восприятие времени и места и каменный — но так каменеют в ярости — холодок мастерства, в котором то самое «бешеное смирение» русских поэтов — от Ломоносова до Ахматовой, от Баратынского до Мандельштама, — не только всегда выдавали в ней хранителя и продолжателя традиций, но и, может быть, определили во многом ее и поэтическую и человеческую судьбу. «А моя судьба — / Вся как есть татба: / Музыку украли / Я у тишины, / Мужика украли / У скупой жены, / У зимы украли / Снежный посошок, / У сумы украли / Тонкий ремешок, / Я украли кошку / У чужих ворот, / Я чужею ложкой / Обжигая рот / И в чужой кастрюле / Слезы кипячу. / Может быть, и нулю / Сдуру отхвачу»...

Неграбительная 2005-1999-6 марта - С.Т.